

Журналист «Российской газеты» Владимир Снегирёв посетил во Франции известного художника и скульптора Михаила Шемякина.

Надо полагать, что предварительная договорённость о встрече у них была. Вполне возможно, что при этом были обговорены и темы предстоящей беседы. Но о чём бы они в действительности ни говорили, в пересказе для читателей журналист вправе выставить на первый план то, что он считает для себя самым важным, или то, о чём спросить его попросила/дала задание редакция. А редакцию, судя по рубрике материала «Споры во Франции о русской революции», опубликованного в номере от 2 июня под заголовком «Бастионы Шемякина», интересовало отношение художника и скульптора к Великому Октябрю.

Эта тема сегодня находится в центре внимания всей российской журналистики, как печатной, так и электронной. Давно замечено, что для части пишущих и «вещающих» коллег приближающийся 100-летний юбилей социалистической революции стал предлогом для её дискредитации, такого отторжения. Одним из таких журналистов, вполне очевидно, является и В.Снегирёв. В М.Шемякине, в своё время считавшимся диссидентом, высланном из Советского Союза в 1971 году, он, видимо, надеялся встретить «родственную душу». Порадовать редакцию материалом «на заданную тему в нужных параметрах». Но - увы и ах! – фокус не удался.

В.Снегирёв отмечает, что «как-то сразу наш первый разговор пошёл на очень серьёзную тему. Про уроки Русской революции». И сразу же выяснились кардинальные

расхождения в оценке политических событий начала прошлого века: «По Шемякину революция была неизбежной и необходимой. Я возразил:

- Ну, насчёт необходимости готов с тобой поспорить. Россия и так развивалась энергично, шла по пути европейских демократий, причём эволюционным путём. Отмена самодержавия, думский парламентаризм, реформы Столыпина... Кому была необходима эта революция?»

Примечательна в этом вопросе одна немаловажная деталь. В нём как в какой-нибудь батальной картине смешались кони, люди, пушки и всё тонуло в пороховом дыму, а главное даже не было и упомянуто. Реформы Столыпина, странно, что это не известно В.Снегирёву, начались ещё при царе, но что бы ни было при этом задумано, не увенчались успехом: ни переселение крестьян в Сибирь, ни безболезненная ликвидация общинного землепользования. Из Сибири крестьяне возвращались в родные места, а кулацкие отруба лишь ускорили классовое разделение в деревне, разожгли огонь ненависти к мироеду-кулаку. «Думский парламентаризм» образца «европейских демократий» показал себя во всём блеске, проголосовав за военные кредиты и молча «проглотив» арест царской властью фракции социал-демократов и высылку её членов на поселение в Сибирь за то, что они были против.

Впрочем, скажем о главном: В.Снегирёв ни слова не сказал о том, что Великий Октябрь вывел народ России из империалистической бойни Первой мировой войны. М.Шемякин замечательно сказал, что в революции был заинтересован народ и процитировал воспоминания генерала Брусилова: «... в 1914 году солдаты не знали, что такое Германия, не понимали, с кем они воюют. Была такая поголовная неграмотность. Мы очень плохо обращались со своим народом. Дома говорили по-французски, аристократия считала мужика вонючей сволочью. Революция сильно изменила облик лапотной России, выдернула страну из темноты».

Да, хороший ответ, но он не остудил пыл журналиста В.Снегирёва. «Хорошо, а что сделали большевики, захватив власть? Лучших крестьян – тех, кто умел и хотел работать, и чьим трудом Россия была главным экспортёром зерна, - вывезли в сибирские болота или расстреляли, а всех босяков согнали в колхозы, отняв у них паспорта и превратив в рабов. Это лучше?»

В этом месте диалога журналист В.Снегирёв использовал некое отработанное

«демократической общественностью и печатью» клише о «зверствах большевиков» в отношении «справных крестьян». Смешно, конечно, но неужели он не знает, что экспорт зерна из России в дореволюционное время обеспечивали не единоличные крестьянские хозяйства, подворья, а крупные сельскохозяйственные предприятия, как их тогда называли – экономии, располагавшиеся на юге страны. Главный доход их хозяев давала эксплуатация сельского пролетариата, батраков, у которых не было ни кола, ни двора. Зерно экспортировали, а россияне в это время недоедали.

В период коллективизации сельского хозяйства кулаков, или тех, кто был к ним причислен, действительно выселяли из родных мест, но отнюдь не обязательно в болота, как считает В.Снегирёв и иже с ним. Известно, что отца и брата поэта Твардовского выселили из хутора после отказа вступить в колхоз, но они выжили. Паспорта колхозникам до середины 1950-х годов на руки не выдавали, но это не означает, что их не было совсем. И система их проживания в сельской местности не было уж столь герметичной, рабской, как это видится В.Снегирёву. Власти было важно сдерживать неконтролируемое переселение крестьян в города, как это было в России после отмены крепостного права в 1861 году.

Неужели журналисту В.Снегирёву неизвестен факт существования в Советском Союзе системы [Организованного набора рабочих. Прочитирую ему и всем, кто паразитирует на теме отсутствия у колхозников паспортов, статьи из Большой Советской энциклопедии: «](#) Организованный набор рабочих в СССР, одна из форм планового межотраслевого и территориального перераспределения трудовых ресурсов, используемая государством в целях обеспечения народного хозяйства рабочей силой и удовлетворения потребности трудоспособного населения в рабочих местах (трудоустройство граждан). О. н. р. возник в начале 30-х гг. в условиях ликвидации безработицы, преодоления аграрного перенаселения и резкого увеличения потребности промышленности, строительства, транспорта в рабочей силе в связи с развёртыванием индустриализации страны. До Великой Отечественной войны 1941—45 ежегодно на предприятия промышленности, строительства, транспорта через организованный набор направлялось в среднем около 3 млн. колхозников».

И это была одна форма, а были ещё и другие, такие, как, например, служба в Советской армии, после которой некоторые бывшие колхозники поступали учиться в военные учебные заведения. Школьникам, получившим аттестаты с высокими баллами, никто не запрещал поступать в институты и университеты. Были и другие возможности, так что напрасно некоторые «радетели за народ» очень сильно переживают за страдания «беспаспортных» крестьян, сами-то они в этом факте не видели какого-либо рабства.

Но вернусь к диалогу В.Снегирёва с М.Шемякиным. Художник и скульптор признал, что после революции были совершены ошибки. «Преступления?» - попытался дожать его В.Снегирёв. Ан не получилось – «Нет, ошибки. Лес рубят, щепки летят».

На этом можно поставить точку, но всё-таки сделаю некое заключение. У В.Снегирёва не получилось сделать из М.Шемякина единомышленника, чем явно хотелось порадовать редакцию «Российской газеты». Я думаю, внимательный читатель заметил моё удивление тем, что В.Снегирёв не знает советской истории. А удивляюсь я потому, что в 1988 году он из «Комсомолки» перешел работать в «Правду», где возглавил отдел информации. Год спустя он стал членом редколлегии, то есть вошёл в состав руководства газеты. Ушёл из неё в 1991 году. У «Правды» в те годы была очень хорошая библиотека, любой вопрос можно было изучить почти досконально. Но тут на память приходит испанская поговорка, которая в переводе на русский язык звучит так: «Некто вошёл в университетский город Саламанка, но Саламанка в него – нет!» Остаётся только пожалеть журналиста, который работал в газете, идеологию которой не понимал и не принимал. Но это, как говорится, его проблемы. Но забавно, как жизнь иногда поворачивает людей в ту или иную сторону: вчерашний единомышленник становится злым оппонентом, а тот, кого считали непримиримым противником, оказывается единомышленником, которому хочется пожать руку.

Валентин Симонин